

О содержании российского пенитенциарного законодательства дореволюционного и советского периодов

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ

Российская таможенная академия, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Реферат

Введение: в статье представлен ретроспективный анализ уголовно-исправительного законодательства в дореволюционный и советский периоды развития нашего государства. Подчеркивается, что исполнение наказания и применение мер исправительного воздействия на различных исторических этапах, являясь элементом уголовно-исправительной системы, определялись соответствующей временной спецификой и представляли самостоятельное направление правоохранительной деятельности. Основные меры уголовно-исправительной политики государства закреплялись положениями уголовно-исправительного права, поскольку именно право является одной из ведущих форм выражения политики. *Цель:* на основе ретроспективного анализа российского пенитенциарного законодательства и соответствующих научных публикаций сформулировать вывод о направлениях его развития в современный период и на текущую перспективу. *Методы:* всеобщий метод познания – диалектический материализм, основывающийся на законах диалектики; формально-логические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, аналогия; общенаучные методы: наблюдение, сравнение, описание и др.; частнонаучный метод исторической аналогии. *Результаты:* анализ становления российского уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной практики показывает, что развитие уголовно-исполнительной системы на протяжении всей российской истории отличается адекватностью, поступательным характером и оперативностью реагирования на изменение криминальной обстановки в стране. *Выводы:* современной российской уголовно-исполнительной системе необходимо обеспечить преемственность в развитии пенитенциарного права с учетом опыта формирования исправительного (уголовно-исправительного) законодательства применительно к новым вызовам и угрозам, исходящим от преступности. Вместе с тем вести речь об установлении контроля над последней можно будет лишь при условии устранения основных социально-экономических противоречий в обществе.

Ключевые слова: уголовно-исправительная система; уголовное наказание; уголовно-исполнительная система; пенитенциарное законодательство; профессиональная уголовная преступность; социально-экономические противоречия.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Яковец Е. Н. О содержании российского пенитенциарного законодательства дореволюционного и советского периодов // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 2 (62). С. 134–143. doi 10.46741/2686-9764.2023.62.2.003.

Original article

Analyzing the Russian Penitentiary Legislation of the Pre-Revolutionary and Soviet Periods

EVGENII N. YAKOVETS

Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Abstract

Introduction: the article presents a retrospective analysis of the criminal correctional legislation in the pre-revolutionary and Soviet periods of the Russian state development. It emphasizes that the execution of punishment and the application of corrective measures in various historical periods, being an element of the criminal correctional system, were determined by the relevant time specifics and represented an independent direction of the law enforcement activity. Key measures of the state's criminal correctional policy were fixed by provisions of the criminal correctional law, since it is the law that is one of the key forms of policy expression. *Purpose:* based on a retrospective analysis of the Russian penitentiary legislation and relevant scientific publications, to formulate a conclusion about prospects of its development in the modern period and for the current perspective. *Methods:* a general cognition method – dialectical materialism based on the laws of dialectics; formal logical methods – analysis, synthesis, induction, deduction, abstraction, analogy; general scientific methods – observation, comparison, description, etc.; a private scientific method of historical analogy. *Results:* the analysis of the development of the Russian penal legislation and law enforcement practice shows that the development of the penal system throughout Russian history is characterized by relevancy, progressive character and responsiveness to changes in the criminal situation in the country. *Conclusion:* the modern Russian penal system should ensure continuity in the development of penitentiary law with regard to the experience of the formation of correctional (criminal correctional) legislation in relation to new challenges and threats. At the same time, it will be possible to talk about establishing control over it only if key socio-economic contradictions in society are eliminated.

Keywords: criminal correctional system; criminal punishment; penitentiary legislation; professional criminal criminality; socio-economic contradictions.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yakovets E.N. Analyzing the Russian penitentiary legislation of the pre-revolutionary and Soviet periods. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 2 (62), pp. 134–143. doi: 10.46741/2686-9764.2023.62.2.003.

Введение

Борьба с преступностью предполагает оказание исправительного воздействия на лиц, признанных приговором суда виновными в совершении преступлений. На базе положений социальной политики и в соответствии с требованиями уголовной политики в государстве создается система мер и средств, преследующих цель исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления. В дореволюционный период правовое регулирование организации исполнения наказания осуществлялось в рамках уголовного права, поскольку специализированное законодательство еще отсутствовало. В качестве отдельной отрасли права оно оформилось в советский период и получило наименование исправительно-трудового. На современном, постсоветском, этапе было переименовано в уголовно-исполнительное. Исполнение наказания и применение мер исправительного воздействия обладают существенной спецификой и образуют самостоятельную область деятельности, которая непосредственно базируется на исправительной политике. Как известно, последняя имеет своим непосредственным источником уголовную политику, однако не поглощается ею, поскольку располагает собственным содержанием. Она испытывает влияние социальной политики как через уголовную политику, так и за счет положений, связанных с воспитанием личности и формированием у нее общественно полезных интересов и потребностей. Основные меры уголовно-исправительной политики государства закреплялись положениями исправительно-трудового права, поскольку именно право являлось и является одной из ведущих форм

выражения государственной политики. Российская уголовно-исполнительная система, базируясь в различные периоды на положениях социальной политики и непосредственно будучи обусловлена уголовной политикой государства, определяла главные направления деятельности органов исполнительной власти и общественных организаций в области исполнения наказаний, конкретизируя специфические формы, задачи и содержание исправительного воздействия.

Как известно, в Российской Федерации для характеристики органов и учреждений, исполняющих наказания, в настоящее время используется термин «уголовно-исполнительная система». В результате реформ 1990-х гг. и изменения политики государства в сфере исполнения наказаний он пришел на смену термину «исправительно-трудовая система», применявшемуся в советский период.

Дореволюционный этап развития российской пенитенциарной системы

В период зарождения и становления российской государственности в перечень противоправных деяний прежде всего входили преступления и проступки против религии, государства, порядка управления, а также должностные преступления. На более поздних этапах все большую остроту стало приобретать противодействие преступлениям общеуголовного характера. Первые попытки упорядочить систему назначения наказаний за их совершение относятся к XIII–XV вв. Они нашли отражение в Русской Правде. Большинство ее статей предусматривало наложение денежного штрафа, размер которого зависел от тяжести преступления, сословного положения потерпевшего и преступника. За совершение убийства

в качестве разновидности смертной казни допускалась кровная месть со стороны родственников убитого. Однако в зависимости от обстоятельств дела она могла заменяться штрафом в 40 гривен.

В Судебнике 1497 г., где были кодифицированы нормы обычного права, уставные грамоты, княжеские указы и другие документы, сопровождавшие процесс завершения централизации государства, как и в Русской Правде, понятие преступного деяния еще четко не определялось. Формулирование его неопределенного содержания как «иного какого лихого дела» позволяло власть имущим трактовать его весьма широко и подводить под уголовное наказание любые действия, которые могли нанести правящей элите тот или иной ущерб. В это время дальнейшее развитие получил перечень разнообразных наказаний, в первую очередь наиболее суровых, направленных на лишение виновного жизни. Уголовная политика того времени сохраняла свою направленность на устрашение подданных [1].

Соборное уложение, изданное в 1649 г., также ставило на первое место защиту интересов церкви и государственной власти. В нем была продолжена политика, направленная на ужесточение наказаний. Смертную казнь влекло совершение более 50 фигурировавших там преступных деяний. Одновременно наметилась тенденция к расширению применения тюремного заключения, которое назначалось на определенный или неопределенный срок. Практиковались лишение свободы в виде заключения в тюрьму (крепость), под караул, высылка в окраинные города, Сибирь на время или пожизненно [2, с. 25], а также появился такой вид наказания, как ссылка «в Сибирь, на житье на Лену», стал также использоваться и неопределенный вид наказания «что государь укажет». Широко применялись в этот период различные наказания, связанные с калечением и клеймением осужденных. Возникла также гражданская казнь, заключающаяся в публичном унижении наказуемого с преломлением шпаги над его головой в знак лишения всех прав состояния (чинов, сословных привилегий, прав собственности, родительских прав и др.). В рассматриваемый период стал активно использоваться труд арестантов.

Во время царствования Петра I было принято более 100 специальных актов уголовного законодательства, сформировавших основу цивилизованной пенитенциарной политики. Наиболее важные из них действовали на протяжении многих последующих десятилетий. Именно при Петре I стала использоваться ссылка в каторжные работы.

Дальнейшее развитие правового регулирования исполнения наказаний, а также первые попытки его гуманизации пришлось на годы царствования Екатерины II, стремившейся доказать свою просвещенность и приверженность гуманитарным ценностям. К этому периоду относится создание системы уголовно-исполнительных учреждений. В 1775 г. появились принудительно-воспитательные учреждения для содержания лиц порочного поведения, такие как работные и исправительные дома. Их устройство и деятельность подробно регламентировались законом.

Первые шаги по упорядочению структуры управления местами лишения свободы были предприняты в начале XIX в. Указом Александра I от 25.06.1811 было учреждено Министерство полиции, в составе которого функционировали три департамента, в том числе и полиции исполнительной. В 1819 г. департаменты вошли в состав Министерства внутренних дел, а департамент полиции исполнительной обрел статус централизованного органа управления тюремной системой государства. В том же году с разрешения и под покровительством императора было учреждено Попечительное о тюрьмах общество, просуществовавшее до 1917 г.

Первым систематизированным законодательным актом об исполнении наказаний, связанных с лишением свободы, явился Свод учреждений и уставов о содержании под стражей и ссыльных 1832 г. [3, с. 332].

К началу XIX в. Соборное уложение утратило свое значение, и в 1836 г. началась работа по созданию Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, которое после рассмотрения его проекта Государственным советом в 1845 г. было утверждено императором Николаем I и с 1846 г. введено в действие. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных предусматривало обширную и сложную систему наказаний, которые разделялись по разрядам, родам и степеням. Все наказания за преступления и проступки делились на уголовные и исправительные. Уголовным наказанием считалось лишение всех прав состояния, соединенное со смертной казнью, каторгой или ссылкой. К исправительным наказаниям относились лишение всех особенных личных и сословных прав и преимуществ, соединенное со ссылкой в Сибирь или другие места; заключение в крепости, смиренном доме, тюрьме; кратковременный арест и некоторые другие. В Уложении сохранялся сословный принцип применения наказаний: все преступники делились на тех, к которым могли применяться телесные наказания, и тех, в отношении которых они не применялись.

Военнослужащие под действие Уложения о наказаниях не попадали. Для них существовал изданный в 1839 г. Военно-уголовный устав, заменивший собой Артикул воинский [4, с. 327–329]. Позже на смену Военно-уголовному уставу пришел Воинский устав о наказаниях, принятый 5 мая 1868 г., которым также предусматривались два вида наказаний – уголовные и исправительные. К уголовным относились смертная казнь, ссылка на каторжные работы, поселение с лишением всех прав и заключение в крепости. Исправительные наказания определялись в зависимости от сословной принадлежности: для офицеров это были ссылка в Сибирь с увольнением и лишением прав, временное заключение в крепости с увольнением, временное заключение в тюрьме с увольнением, содержание на гауптвахте, денежные взыскания; для нижних чинов – временное направление в военно-исправительные роты, заключение в военной тюрьме, денежные взыскания, лишение нашивок за беспорочную службу с переводом в разряд штрафных [5].

Общегосударственными политическими тюрьмами (Алексеевским равелином, Петропавловской крепостью, Шлиссельбургской крепостью, Суздальским

Спасо-Евфимиевым монастырем и Шварцгольмским домом) в этот период ведала II экспедиция Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК), которая помимо этого занималась раскольниками, сектантами, фальшивомонетчиками, уголовными убийствами, «крестьянским вопросом», должностными преступлениями и др. [6]

Несколько позже, в 1879 г., исполнение наказаний было передано Главному тюремному управлению (ГТУ), образованному в составе МВД. В результате реформы была создана единая общегосударственная тюремная система, объединявшая тюрьмы трех типов: 1) крупные тюрьмы с центральным подчинением ГТУ, так называемые централы (например, Владимирский централ во Владимире, Александровский централ около Иркутска и др.), а также Петропавловская и Шлиссельбургская крепости, ранее находившиеся в ведении Третьего отделения СЕИВК; 2) тюрьмы общего типа, подчиненные губернским тюремным инспекциям; 3) каторжные тюрьмы, находившиеся главным образом в Сибири [7, с. 45.]. В 1895 г. места заключения были переданы в ведение Министерства юстиции.

С каждым годом в Российской империи становилась все более актуальной проблема роста профессиональной уголовной преступности. К началу XX в. в среде обитателей тюрем и царских каторг уже существовала строгая система взаимоотношений [8, с. 26]. Общая арестантская масса имела несколько ступеней, где верхнее положение занимали «иваны», или «бродяги» – главные носители тюремных традиций, тюремные старожилы, арестантская «аристократия». Вторую ступень воровской иерархии образовали «храпы». Третье сословие тогдашней тюрьмы представляли «жиганы» – категория самая многоликая. На нижней ступени арестантской иерархии находилась «шпанка» – бесправная, голодная, задавленная масса арестантов, состоявшая в основном из крестьян. Над ними издевались представители всех вышестоящих «сословий»: давили «иваны», запугивали и обирали «храпы», обкрадывали голодные «жиганы».

Сама тюрьма генерировала преступность, приобретавшую в ней все новые, необходимые для своей деятельности силы. Через места заключения Российской империи в тот период ежегодно проходило около 2 млн заключенных. Правительство не могло ничего противопоставить распространению преступности, исходившей из тюрем. Государственные учреждения для правонарушителей с неизбежностью превращались в школы преступного мастерства. Изоляция лиц, нарушавших закон, только усложняла ситуацию: тюрьмы, каторги переполнялись и становились неуправляемыми [9, с. 17–20].

Дело заходило так далеко, что криминалитет пытался оказывать влияние на политическую жизнь страны. До наших дней дошел уникальный документ, датированный 1906 г., – своеобразный меморандум воров, который был адресован Государственной Думе и касался улучшения условий содержания заключенных [10, с. 27].

Во время Февральской революции 1917 г., когда в Петрограде восставшими были захвачены и сожжены

многие городские тюрьмы, в том числе «Кресты», «Литовский замок», дом предварительного заключения «Шпалерка» и др., из них на свободу вместе с политическими заключенными вышли и отъявленные уголовники, впоследствии получившие название «птенцы Керенского» [11, с. 141]. При активном их участии в городе начались убийства полицейских, массовые разбои и грабежи [12, с. 482], с которыми оказалось уже некому бороться.

Развитие советской исправительно-трудовой системы

В первые годы советской власти руководство местами лишения свободы было возложено на карательный отдел Народного комиссариата юстиции РСФСР (НКЮ), который неоднократно менял свое название, а в 1922 г. был преобразован в Главное управление местами заключения (ГУМЗ) НКВД. Этот главк имел на местах свои территориальные органы. Параллельно ему была создана система лагерей принудительных работ, находившихся в непосредственном ведении органов ВЧК, ГПУ – ОГПУ [13, с. 23].

Правовые нормы, регламентировавшие применение наказаний, в дореволюционный период являвшиеся неотъемлемой частью уголовного законодательства, впервые были выделены в самостоятельную отрасль права после утверждения 16 октября 1924 г. Исправительно-трудового кодекса РСФСР (ИТК РСФСР). Статья 1 кодекса определяла правила осуществления на территории РСФСР начал уголовной политики путем соответствующей организации лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей. Ставилась цель реформировать существовавшие на тот момент места лишения свободы в соответствии с потребностями общества, создав сеть трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний, а также переходных исправительно-трудовых домов с различным режимом содержания (ст. 4).

В общих положениях декларировалась недопустимость причинения физических страданий и унижения человеческого достоинства в ходе отбывания наказания. В ст. 5 устанавливалось единство системы исправительно-трудовых учреждений, а в ст. 9 в принципе была дана установка на их самокупаемость без ущерба, однако, для осуществления задач исправительно-трудовой политики. Основным видом исправительно-трудовых учреждений, по ИТК РСФСР, являлся исправительно-трудовой дом. В основу режима во всех местах лишения свободы было положено правильное сочетание принципов обязательного труда лиц, лишенных свободы, и политико-воспитательной (культурно-просветительной) работы (ст. 48).

В соответствии с положениями ИТК РСФСР во всех исправительно-трудовых учреждениях организовывались наблюдательные комиссии, в состав которых входили начальник места заключения, местный народный судья и представитель бюро профессиональных союзов. На эти комиссии возлагались функции по наблюдению за переводом заключенных из одних разрядов в другие, предварительному обсуждению вопроса о досрочном освобождении и т. д. В 1929 г. права наблюдательных комиссий были заметно расширены.

Общие принципы обеспечения режима в местах лишения свободы были достаточно либеральными. Например, допускались не только свидания, но и отпуска (ст. 20). Режим в местах заключения не должен был преследовать цель издевательств над осужденными. Запрещалось применение таких мер воздействия, как кандалы, наручники, карцеры, лишение пищи, свидания заключенных с посетителями через решетку.

Труд считался обязательным для всех трудоспособных, причем хорошая работа поощрялась сокращением срока заключения или даже переводом на принудительный труд без содержания под стражей. В местах лишения свободы было организовано обучение заключенных, как общеобразовательное, так и профессиональное, с тем, чтобы, выйдя на свободу, человек имел возможность устроиться на работу. В колониях должна была проводиться культурно-воспитательная работа, для чего создавались все необходимые условия.

Кодекс предусматривал широкий перечень мер, связанных с оказанием помощи лицам, отбывшим срок заключения: выделение материальной помощи неимущим, предоставление жилья и питания на льготных условиях в течение определенного времени, ссуды на приобретение рабочих инструментов, обзаведение необходимыми предметами домашнего обихода и др. Соответствующие обязанности возлагались на Главное управление местами заключения и его местные органы.

В 1925 г. был принят ИТК Украины, построенный на тех же принципах, что и российский. Тогда же были введены в действие исправительно-трудовые кодексы Грузии, Узбекистана и Азербайджана, в 1926 г. – Белоруссии, в 1928 г. – Туркмении. До начала 1930-х гг. неоднократно проводились амнистии. Например, в 1923 г. специальной комиссией ВЦИК и ЦК РКП(б) было освобождено до 60 % заключенных.

Особое внимание уделялось перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей. Советское государство прекрасно понимало, что если общество не предпримет усилий по перевоспитанию молодежи, то обречет себя на распад. В 1921 г. советский педагог А. С. Макаренко предложил оригинальное решение проблемы беспризорников, количество которых после окончания Гражданской войны достигло критических масштабов. Он явился теоретиком и практиком совмещения коммунистического воспитания с воспитанием трудом. Макаренко подчеркивал важность человеческого обращения с членами колонии, создания атмосферы взаимного уважения. Под его руководством колонисты построили два высокотехнологичных завода – по производству электро-механических инструментов (австрийская лицензия) и знаменитых фотоаппаратов ФЭД (немецкая лицензия). Колонисты освоили сложнейшие процессы, успешно работали и выпускали продукцию хай-тек [14, с. 19].

Однако вернемся к взрослой преступности. Заключенные в местах лишения свободы подразделялись на три категории, причем важным критерием отнесения осужденного к той или иной группе являлось

его социальное происхождение. Первую категорию составляли лица, подлежащие лишению свободы со строгой изоляцией, вторую – профессиональные преступники, а также те из заключенных, которые, не имея отношения к классу трудящихся, совершили преступления вследствие своих классовых привычек, взглядов или интересов, третью – все остальные. Кроме того, выделялось три разряда – начальный, средний и высший. Перейти из одного разряда в другой можно было по мере пребывания в колонии и в зависимости от своего поведения.

«Иваны», «храпы», «жиганы», «шпанка» постепенно растворялись в массе преступников новой формации: спекулянтов, «изменников родины», «контры» и т. д. [15, с. 59, 70, 94, 133]. Внутри этого сообщества сформировалось особое ядро профессиональной преступности – «воры», то есть лица, судимые за кражи три раза и более. Во второй половине 1928 г. в местах заключения представители профессиональной преступности составляли около 4,2 % [16, с. 185].

В женских местах заключения и колониях уклад жизни отличался от существовавшего в местах лишения свободы для мужчин. Здесь была менее жесткая система «воровских понятий», а также размытые представления о том, что хорошо, а что запрещено. Главной в камере являлась наиболее авторитетная и на протяжении длительного периода находившаяся в местах лишения свободы женщина. Как правило, она являлась «второходкой», то есть оказывалась за решеткой второй раз. Собственно, этим вся иерархия и ограничивалась. Остальные подчинялись старшей, которая следила за тем, чтобы в камере соблюдался порядок, не нарушался график уборки. Она же поддерживала психологическое равновесие заключенных, будь то скандалы между зечками или рыдания новеньких, впервые переступивших порог мест заключения [17].

Большинство работников мест заключения не имели четких ориентиров в общении с представителями различных категорий уголовно-преступного элемента, а тем более в их исправлении и перевоспитании. Это приводило к опасным тенденциям. Внутренняя жизнь мест лишения свободы практически повсеместно стала регулироваться самими заключенными. Администрации же отводилась весьма скромная и ограниченная функция внешнего надзора. В местах заключения, как и в дореволюционный период, верховодили опытные и опасные преступники, подчинявшие себе остальную массу осужденных [9, с. 21–24].

Российский государственный и политический деятель и ученый А. И. Гуров отмечает в связи с этим, что, пользуясь сложившейся ситуацией, многие воры с целью давления на прочих заключенных стали проникать на административные должности и получать неограниченные возможности по утверждению в преступной среде своих законов. Причем воровская категория преступников стремилась к полному размежеванию с различными политическими группировками, полагая, что вор должен только воровать. Тех, кто придерживался воровских правил поведения, стали называть ворами в законе [18, с. 104–105].

24 апреля 1930 г. в соответствии с приказом ОГПУ СССР было образовано управление лагерями. Первое упоминание о ГУЛАГе (Главное управление лагерей) можно найти в приказе ОГПУ СССР от 15.02.1931. В этот период, совпавший с моментом заката новой экономической политики и началом коллективизации сельского хозяйства, произошло увеличение численности заключенных, резко изменился их состав. Процент лишенных свободы «классово чуждых элементов», не превышавший в 1929 г. 3–4 %, возрос в 1931 г. до 35 % [19, с. 283].

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 06.07.1929 «Об изменении статей 13, 18, 22, 38 Основных начал Уголовного законодательства СССР и союзных республик» была введена дополнительная мера социальной защиты – лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях Союза ССР. Первая группа таких лагерей появилась в 1929 г. на севере страны в бассейне рек Печора и Воркута, в Ухте. 5 августа 1929 г. в г. Сольвычегодске было создано Управление северных лагерей особого назначения (СЛОН) ОГПУ СССР. В него входили Севитлаг, Котласский, Усть-Вымский, Пинюгинский, Сыктывкарский лагеря с общей численностью заключенных 33 511 чел. Перед этими лагерями ставилась задача освоить силами заключенных природные богатства Северного края – осуществлять добычу угля в бассейнах рек Печора и Воркута, нефти в Ухте, разработку лесных массивов. Созданное управление возглавил А. П. Шайрон [19, с. 303].

В 1930–1932 гг. в различных регионах страны были организованы и другие подобные исправительно-трудовые лагеря: Беломоро-Балтийский, Сибирский, Казитлаг, Карагандинский, Дальиселдорстрой, Темниковский, Дмитровский, Нижегородский, Сызранский, Кунгурский, Свирский, Вишерский. Общее число заключенных в них на 1 января 1936 г. составляло 839 406 чел. К 1939 г. ИТЛ открылись в Свердловской, Пермской, Вятской и других областях. Кроме того, в системе НКВД СССР к этому времени функционировали 392 общие тюрьмы [9, с. 26–27], переданные в его ведение в 1934 г.

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 01.08.1933 был утвержден и введен в действие новый Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, который, впрочем, не внес каких-либо существенных изменений в сложившуюся систему мест лишения свободы. Он состоял из семи основных положений и семи разделов, развивавших эти положения. В ст. 1 и 2 основных положений были сформулированы принципы новой исправительно-трудовой политики. В ст. 3 был определен основной тип места лишения свободы – исправительно-трудовая колония. Там же получили закрепление принципы размещения лишенных свободы применительно к трудовым навыкам последних, в зависимости от их общественной опасности, социального положения, возраста и успешности исправления [20]. ИТК РСФСР 1933 г. не касался исполнения наказания в исправительно-трудовых лагерях ОГПУ.

В сентябре 1938 г. в составе НКВД СССР было образовано самостоятельное Главное тюремное

управление, а 10 июня 1934 г. в соответствии с Постановлением ЦИК СССР при создании нового союзно-республиканского НКВД в его состав было включено Главное управление исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений. В октябре того же года управление было переименовано в Главное управление лагерей, трудпоселений и мест заключения. В дальнейшем оно еще дважды переименовывалось и в феврале 1941 г. получило закрепившееся на относительно продолжительный срок название – Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР.

Великая Отечественная война наложила особый отпечаток на деятельность этого главка. С 6 января 1942 г. для проверки лиц, представлявших оперативный интерес для Наркомата государственной безопасности СССР, а впоследствии и СМЕРШа, были организованы спецлагеря, которые находились в ведении Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД СССР. 19 июля 1944 г. они были переданы в ведение ГУЛАГа НКВД СССР, а 28 августа 1944 г. был организован Отдел спецлагерей НКВД СССР, который 20 февраля 1945 г. был переименован в Отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ) НКВД СССР. 22 января 1946 г. последний был расформирован, а его функции переданы в ГУЛАГ НКВД СССР [21, с. 38].

В качестве завершающего аккорда сталинского периода развития отечественной уголовно-исполнительной системы следует рассматривать секретную записку от 26.03.1953, которую направил в ЦК КПСС министр внутренних дел СССР Л. П. Берия. В ней отмечалось, что «содержание большого количества заключенных в лагерях, тюрьмах и колониях, среди которых имеется значительная часть осужденных за преступления, не представляющие серьезной опасности для общества, в том числе женщин, подростков, престарелых и больных людей, не вызывается государственной необходимостью». Далее Берия предлагал вдвое сократить срок наказания лицам, осужденным более чем на 5 лет, освободить женщин, имеющих детей до 10 лет, беременных женщин, несовершеннолетних (до 18 лет), пожилых и тяжело больных людей. В результате реализации этих мер обрел свободу 1 203 421 чел., в том числе многие «лесные братья» из Прибалтики, Украины и Белоруссии. Кроме того, в числе «птенцов Берии», вылетевших на свободу, оказались и матерые уголовники, отбывавшие небольшие сроки лишения свободы. В связи с этим криминогенная обстановка в СССР осложнилась до критического уровня. Например, г. Улан-Удэ фактически был захвачен бандитами, возвращавшимися из лагерей. В результате за недели беспорядков там было убито несколько тысяч мирных граждан [22]. В Москве в связи с проведенной амнистией количество тяжких и особо тяжких преступлений по сравнению в предшествующим годом возросло в несколько раз [23, с. 62]. По воспоминаниям ветеранов, личный состав МУРа в этот период был переведен на казарменное положение и пребывал в этом режиме до тех пор, пока большинство вышедших на свободу и оказавшихся в столице представителей уголовного мира

вновь не оказалось в местах лишения свободы за совершение различных преступлений.

В 1953 г. исправительно-трудовые учреждения были переданы в Министерство юстиции СССР, однако уже в начале 1954 г. их вновь возвратили в МВД СССР.

Указами Президиума Верховного Совета СССР от 24.04.1954 и 14.07.1954 было восстановлено досрочное и условно-досрочное освобождение из мест лишения свободы. Важное значение для дальнейшей деятельности ИТУ имели Положение о прокурорском надзоре в СССР, утвержденное указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.05.1955, и Положение о наблюдательных комиссиях, утвержденное постановлением Совета министров РСФСР от 24.05.1957. В 1956 г. дальнейшее сохранение исправительно-трудовых лагерей было признано нецелесообразным, и они были подвергнуты реорганизации в исправительно-трудовые колонии [24, с. 317–320, 322–326].

25 декабря 1958 г. Верховный Совет СССР утвердил Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, содержавшие ряд норм, в соответствии с которыми должно было измениться и исправительно-трудовое законодательство. Принятие этого закона и опыт работы ИТУ позволили разработать Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР, которое было утверждено указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29.08.1961 [25], и аналогичные положения других союзных республик. Указанные нормативные акты предусматривали создание ИТК четырех видов: общего, усиленного, строгого и особого режимов. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1963 «Об организации исправительно-трудовых колоний-поселений и о порядке перевода в них осужденных к лишению свободы, твердо вставших на путь исправления» [26] система колоний дополнялась еще одним видом – колонией-поселением. Произошли изменения и в исправительно-трудовых учреждениях для несовершеннолетних правонарушителей. Положение о трудовых колониях для несовершеннолетних, утвержденное указом Президиума Верховного Совета СССР от 03.06.1968 [27], предусматривало организацию колоний общего и усиленного режимов. В 1965–1967 гг. были разработаны и приняты новые положения о наблюдательных комиссиях и положения о комиссиях по делам несовершеннолетних [28; 29]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966 устанавливался административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы.

Послевоенный опыт работы ИТУ и развитие науки исправительно-трудового права создали необходимые условия для разработки и принятия 11 июля 1969 г. Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик и в 1970–1971 гг. исправительно-трудовых кодексов союзных республик. Тем самым была создана система исправительно-трудового законодательства последнего периода существования Советского государства [30, с. 93].

Новый ИТК РСФСР закрепил основные формы политико-воспитательной работы с осужденными, отнеся к ним трудовое соревнование, разъяснение законодательства, агитационную и пропагандистскую работу, культурно-массовую и физкультурно-спортивную работу, индивидуальную работу. Политико-воспитательная работа с осужденными должна была проводиться дифференцированно с учетом вида ИТК и установленного в нем режима. В тюрьмах и помещениях камерного типа такая работа проводилась покамерно [31, с. 86].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 08.02.1977 «О внесении дополнений и изменений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» система ИТУ была дополнена еще одним видом – колонией-поселением для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

Приведение всех отраслей советского законодательства в соответствие с Конституцией СССР 1977 г. способствовало расширению прав граждан, общественных организаций и трудовых коллективов, созданию более эффективных гарантий их осуществления. В этих целях был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.08.1981 «О внесении изменений и дополнений в Основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик» [32]. Важной задачей в рассматриваемый период являлось законодательное закрепление порядка и условий исполнения всех видов наказаний, не связанных с лишением свободы, что нашло свое отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1982 «О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства» и в постановлении Президиума Верховного Совета СССР от 15.10.1982 [33; 34; 35, с. 47–52].

Заключение

Многолетний опыт деятельности российских исправительных (исправительно-трудовых) учреждений, в первую очередь в советский период, во многом предопределил формирование современной уголовно-исполнительной системы в нашей стране на тех принципах и традициях, которые были выработаны отечественной и международной практикой. Впрочем, располагая столь солидным собственным историческим опытом, особо можно не реагировать на замечания «просвещенного Запада» [36, с. 136–175], уже давно не испытывающего «трепетных чувств» к России.

Формулирование той или иной проблемы в области современной пенитенциарной науки обуславливает появление новой терминологии, что создает иллюзию научного прогресса. На деле же оказывается, что самые архисовременные теории лишь пересказывают на новый лад то, о чем говорилось еще в конце позапрошлого и начале прошлого веков. Личный опыт автора, занимавшегося в свое время вопросами организации взаимодействия Главного управления уголовного розыска с оперативными подразделениями ГУИТУ как в советский, так и постсоветский периоды, наглядно демонстрирует эту преемственность.

На текущем этапе российской уголовно-исполнительной системе необходимо обеспечить заимствование исторического опыта, адаптировав его применительно к новым вызовам и угрозам, исходящим от криминалитета. Об этом, в частности, говорится в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р. В этой связи наряду с усилением мер, направленных на недопущение распространения экстремизма в учреждениях уголовно-исполнительной системы, о чем говорится в разд. II данного документа, с учетом последних событий особое внимание следует уделить проблемам содержания в исправительных учреждениях ФСИН России лиц из числа украинских националистов, осужденных за совершение преступлений против человечности, террористическую деятельность и другие тяжкие и особо тяжкие преступления на территории Российской Федерации. Печальные события бериевской амнистии, благодаря которой деды и прадеды нынешних необандеровцев, отделавшись легким испугом, вышли на свободу и продолжили подрывную деятельность по моральному разложению Украины, не должны повториться.

Большое значение имеет советский опыт гуманизации уголовно-исполнительного законодательства, который можно взять за основу в ходе реализа-

ции требований Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», который вступает в силу с 1 января 2024 г.

Особое внимание в современный период целесообразно уделить ресоциализации несовершеннолетних правонарушителей, используя выдающиеся достижения советского педагога-воспитателя А. С. Макаренко. «Три кита» выработанной им системы – воспитание трудом, игра и воспитание коллективом – были у нас незаслуженно забыты или искажены, в отличие от зарубежных стран, где работы Макаренко являются настольными книгами у руководителей предприятий. Сегодня практически все японские и многие немецкие фирмы строят свою работу по лекалам трудовой колонии Макаренко, и вдвойне обидно, что те самые «три кита» теперь возвращаются к нам бумерангом в виде «корпоративных мероприятий», «тим-билдинга» и «умения работать в команде».

Наконец, следует подчеркнуть, что вести речь об установлении полного контроля над преступностью можно будет лишь при условии устранения основных социально-экономических противоречий в обществе. В условиях, когда население разделено на слои с различным уровнем материального благосостояния, устранить угрозы со стороны преступности с использованием каких-либо радикальных мер практически невозможно, поскольку последняя, являясь неотъемлемым атрибутом подобного общества, постоянно воспроизводит себя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Георгиевский Э. В. К вопросу о преступном и наказуемом в эпоху судебныхников XV–XVII вв. // Сибирский юридический вестник. 2004. № 3. С. 3–6.
2. Рогов В. А. Тюрьмы и лишение свободы в средневековой России (конец XV – середина XVII вв.) // Вопросы истории органов борьбы с преступностью : сб. науч. тр. ВЮЗИ. М., 1987. С. 5–34.
3. Некрасов В. Н. История становления уголовно-исполнительной системы России // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2016. № 4. С. 328–337.
4. История отечественного государства и права / под ред. О. И. Чистякова. М., 2003. 544 с.
5. Петухов Н. А. История военных судов России : моногр. / под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук, проф. В. М. Лебедева. М., 2003. 352 с.
6. Собственная Его Императорского Величества канцелярия // Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1987. С. 1231.
7. Дворянов В. Н. В сибирской дальней стороне (Очерки истории царской каторги и ссылки, 60-е годы XVIII в. – 1917 г.). Минск, 1971. 374 с.
8. Лисин А. Г., Петренко Н. И., Яковлева Е. И. Тюремная система Российского государства в XVIII – начале XX в. М., 1996. 60 с.
9. Анисимков В. М. Тюремная община: «вехи» истории. М., 1993. 69 с.
10. Наша служба – уголовный розыск : ист.-худож.-публицист. сб. М., 1998. 319 с.
11. Parrott L. Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system // Post-Soviet Affairs. 2015. Vol. 31, no. 2. Pp. 136–175.
12. Балязин В. Н. Императорские наместники первопрестольной. 1709–1917. М., 2000. 496 с.
13. Гиляров Е. Н., Михайличенко А. В. Становление и развитие ИТУ Советского государства (1917–1925 гг.). До-модедово, 1990. 83 с.
14. Кудряшов К. Плач пророка Макаренко. Его систему внедряли во всем мире, но только не у нас // Аргументы и факты. 2013. № 11. С. 19.
15. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / авт.-сост. Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. М., 1992. 525 с.
16. Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia // Theoretical Criminology. 2015. Vol. 19, no. 2. Pp. 179–197.
17. Традиции и ритуалы в советских женских колониях. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/useria/post430972981/> (дата обращения: 12.03.2023).
18. Гуров А. И. Красная мафия. М., 1995. 352 с.
19. Рассказов Л. Роль ГУЛАГа в предвоенных пятилетках // Экономическая история : ежегодник. 2002. М., 2003. С. 269–319.

20. Исправительно-трудовой кодекс (СССР). URL: <http://www.bonaen.ru/i/ispravitelno-trudovoy-kodeks-sssr> (дата обращения: 15.03.2023).
21. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. документов : в 7 т. / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М., 2004. Т. 5. С. 36–42.
22. Мельников И. Холодное лето 53-го... URL: <http://www.istpravda.ru/research/1029/> (дата обращения: 04.04.2023).
23. Московская Краснознаменная милиция: страницы истории : в 2 ч. / отв. ред. Ю. А. Томашев. М., 1992. Ч. 2. 269 с.
24. Сборник нормативных актов по советскому исправительно-трудовому праву (1917–1959 гг.). История законодательства / авт.-сост. П. М. Лосев, Г. И. Рагулин. М., 1959. 360 с.
25. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1961. № 37. Ст. 556.
26. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 20. Ст. 591.
27. Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 23. Ст. 189.
28. Об утверждении положения о государственном нотариате РСФСР : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 30.09.1965 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 40. Ст. 990.
29. Retish A. B. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia // *Historical Research*. 2017. Vol. 90, issue 247. Pp. 134–150.
29. Об утверждении положения о комиссиях по делам несовершеннолетних : указ Президиума Верхов. Совета РСФСР от 03.07.1967 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1967. № 23. Ст. 536.
30. Зубков А. И., Калинин Ю. И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России. История и современность. М., 1998. 176 с.
31. Реент Ю. А. История правоохранительных органов: полицейские и тюремные структуры России : моногр. Рязань, 2002. 206 с.
32. Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 33. Ст. 967.
33. Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 30. Ст. 572.
34. Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 42. Ст. 793, 794.
35. Советское исправительно-трудовое право : учеб. / под ред. Н. А. Стручкова, Ю. М. Ткачевского. М., 1983. 352 с.
36. Pallot J., Piacentini L. Gender, Geography and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia. Oxford, 2012. 330 p.

REFERENCES

1. Georgievskii E.V. On the question of the criminal and punishable in the era of the Judges of the 15–17 centuries. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2004, no. 3, pp. 3–6. (In Russ.).
2. Rogov V.A. Prisons and deprivation of liberty in medieval Russia (the end of the 15th – middle of the 17th centuries). In: *Voprosy istorii organov bor'by s prestupnost'yu: sbornik nauchnykh trudov VYuZI* [Issues of the history of crime control bodies: collection of scientific works of VUZI]. Moscow, 1987. Pp. 5–34. (In Russ.).
3. Nekrasov V.N. History of the penal system formation in Russia. *Alleya Nauki = Alley of Science*, 2016, no. 4, pp. 328 – 337. (In Russ.).
4. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of the national state and law]. Ed. by Chistyakov O.I. Moscow, 2003. 544 p.
5. Petukhov N.A. *Istoriya voennykh sudov Rossii: monogr.* [History of Russian military courts: monograph]. Ed. by Lebedev V.M. Moscow, 2003. 352 p.
6. His Imperial Majesty's own Chancellery. In: Prokhorov A.M. (Ed.). *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* [Soviet Encyclopedic dictionary]. Moscow, 1987. P. 1,231.
7. Dvoryanov V.N. *V sibirskoi dal'nei storone (Ocherki istorii tsarskoi katorgi i ssylki, 60-e gody XVIII v. – 1917 g.)* [In the Siberian far side (Essays on the history of the tsarist penal servitude and exile, the 1760s – 1917)]. Minsk, 1971. 374 p.
8. Lisin A.G., Petrenko N.I., Yakovleva E.I. *Tyuremnaya sistema Rossiiskogo gosudarstva v 18 – 20 v.* [The prison system of the Russian state in the 18th – 20th centuries]. Moscow, 1996. 60 p.
9. Anisimkov V.M. *Tyuremnaya obshchina: "vekhii" istorii* [Prison community: "milestones" of history]. Moscow, 1993. 69 p.
10. *Nasha sluzhba – ugovolnyi rozysk: ist.-khudozh.-publitsist. sb.* [Our service – criminal investigation: historical, artistic and journalistic collection]. Moscow, 1998. 319 p.
11. Parrott L. Tools of persuasion: the efforts of the Council of Europe and the European Court of Human Rights to reform the Russian pre-trial detention system. *Post-Soviet Affairs*, 2015, vol. 31, no. 2, pp. 136–175.
12. Balyazin V.N. *Imperatorskie namestniki pervoprestol'noi. 1709–1917* [Imperial governors of the first capital. 1709–1917]. Moscow, 2000. 496 p.
13. Gilyarov E.N., Mikhailichenko A.V. *Stanovlenie i razvitie ITU Sovetskogo gosudarstva (1917–1925 gg.)* [Formation and development of the ITU of the Soviet state (1917–1925)]. Domodedovo, 1990. 83 p.
14. Kudryashov K. The lament of the prophet Makarenko. His system was implemented all over the world, but not in our country. *Argumenty i fakty = Arguments and Facts*, 2013, no. 11, p. 19. (In Russ.).
15. *Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi i grafi-cheskii portret sovetskoi tyur'my)* [Dictionary of prison-camp-criminal jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Comp. by Baldaev D.S., Belko V.K., Isupov I.M. Moscow, 1992. 525 p.
16. Piacentini L., Slade G. Architecture and attachment: Carceral collectivism and the problem of prison reform in Russia and Georgia. *Theoretical Criminology*, 2015, vol. 19, no. 2, pp. 179–197. (In Russ.).
17. *Traditsii i ritualy v sovetskikh zhenskikh koloniyakh* [Traditions and rituals in Soviet colonies for women]. Available at: <https://www.liveinternet.ru/users/useria/post430972981/> (accessed March 12, 2023).

18. Gurov A.I. *Krasnaya mafiya* [The Red Mafia]. Moscow, 1995. 352 p.
19. Rasskazov L. The role of the GULAG in the pre-war five-year plans. In: *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2002* [Economic History: yearbook. 2002]. Moscow, 2003. Pp. 269–319. (In Russ.).
20. *Ispravitel'no-trudovoi kodeks (SSSR)* [Corrective Labor Code (USSR)]. Available at: <http://www.bonaen.ru/i/ispravitelno-trudovoy-kodeks-sssr> (accessed March 15, 2023).
21. *Istoriya stalinskogo GULaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobranie dokumentov: v 7 t. T. 5.* [History of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collection of documents in 7 volumes. Volume 5]. Ed. by Tsarevskaya-Dyakina T.V. Moscow, 2004. Pp. 36–42.
22. Mel'nikov I. Cold summer of the 53rd. *Istoricheskaya pravda = Historical truth*. Available at: <http://www.istpravda.ru/research/1029/> (In Russ.). (Accessed April 4, 2023).
23. *Moskovskaya Krasnoznamennaya militsiya: stranitsy istorii: v 2-kh ch. Ch. 2.* [Moscow Red Banner militia: pages of history: in 2 parts. Part 2]. Moscow, 1992. 269 p.
24. Collection of normative acts on Soviet corrective labor law (1917–1959). In: *Istoriya zakonodatel'stva* [History of legislation]. Comp. by Losev P.M., Ragulin G.I. Moscow, 1959. 360 p. (In Russ.).
25. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1961. No. 37. Art. 556.
26. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1963. No. 20. Art. 591.
27. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1968. No. 23. Art. 189.
28. On approval of the Regulations On the State Notary of the RSFSR: Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 30.09.1965. In: *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the RSFSR]. 1965. No. 40. Art. 990.
29. Retish A. B. Breaking free from the prison walls: Penal reforms and prison life in revolutionary Russia. *Historical Research*, 2017, vol. 90, no. 247, pp. 134–150. (In Russ.).
30. Zubkov A.I., Kalinin Yu.I., Sysoev V.D. *Penitentsiarnye uchrezhdeniya v sisteme Ministerstva yustitsii Rossii. Istoriya i sovremennost'* [Penitentiary institutions in the system of the Ministry of Justice of Russia. History and modernity]. Moscow, 1998. 176 p.
31. Reent Yu.A. *Istoriya pravookhranitel'nykh organov: politseiskie i tyuremnye struktury Rossii: monogr.* [History of law enforcement agencies: police and prison structures of Russia: monograph]. Ryazan, 2002. 206 p.
32. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR]. 1981. No. 33. Art. 967.
33. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR]. 1982. No. 30. Art. 572.
34. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR* [News Bulletin of the Supreme Soviet of the USSR]. 1982. No. 42. Art. 793, 794.
35. *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo: ucheb.* [Soviet corrective labor law: textbook]. Ed. by Struchkov N.A., Tkachevskii Yu.M. Moscow, 1983. 352 p.
36. Pallot J., Piacentini L. *Gender, Geography and Punishment: the Ex-perience of Women in Carceral Russia*. Oxford, 2012. 330 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЯКОВЕЦ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Российской таможенной академии, Люберцы, Россия, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

EVGENII N. YAKOVETS – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia, koshka997@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8386-4247>

Статья поступила 07.04.2023